

Пасха первая

Дело было на востоке России. Начиналось смутное время, по русской земле шёл к концу семнадцатый год. Февральская смута сбросила царя-батюшку, октябрьская родила красных. Но революции революциями, а любовь любовью.

Шестнадцатилетняя Анастасия познакомилась с Николаем на свадьбе своей двоюродной сестры Марии, вышедшей замуж за его родного брата Александра. Молодые люди полюбили друг друга с первого взгляда. Её батюшка — отец Тихон, венчавший молодых, и матушка Вера сразу заметили это и приняли благосклонно. Её тётушка Софья, родная сестра матушки и мать Марии, хорошо отзывалась о семье своих новых родственников.

Молодой зять Александр пять лет тому назад завершил инженерное обучение на каком-то швейцарском заводе. Его брат Николай заканчивал в Иркутске университет по технической специальности и был вполне подходящей партией для их дочери, которая по тем временам считалась на выданье. Братья революционными идеями не бредили, у них на уме была только техника да забота о родителях, а теперь ещё и о любимых женщинах и об устройстве своего семейного гнездышка. Более достойного мужа, чем Николай, и искать не нужно!

После свадьбы брата Николай уехал заканчивать учёбу в Иркутск, потом в Европу для стажировки. Братья писали друг другу часто, Николай всегда просил передавать приветы Анастасии и её родителям. Тогда было не принято компрометировать любимых письмами, если официально не объявлено о

помолвке или свадьбе молодых людей. Но Мария всегда прибегала к Настеньке с вестями от Николая, а в письмах к шури-ну не забывали написать про Анастасию.

Вскоре у красавицы появился ещё один поклонник. Казацкий сын Степан высмотрел трудолюбивую, спокойную Настеньку. Да вот только ей он был совсем не нужен. Однако парень был настойчивый, привык добиваться своего.

Время летело быстро, а потом и вовсе понеслось красно-белым колесом по всей России. Раскалывались семьи: сын шёл на отца, отец на сына, брат на брата... Степан подался к красным.

Связь Александра с братом Николаем неожиданно и надолго оборвалась. Александр стал думать об отъезде за границу, чтобы там найти брата и всем вместе пережить смутное время. У Марии была трудная беременность: как потом оказалось, она носила двойню, — ей нужен был покой. Отец Тихон не мог бросить свою паству. Поэтому в его доме даже разговоров об отъезде не велось. Александр увёз своих в Китай. А чуть позже безопасно уехать за границу стало невозможно. Власть прочно захватили красные.

Степан, ставший начальником милиции, пришёл сватать Настеньку, но та категорически отказала. Степан разозлился не на шутку. И нашёл причину своей неудачи: была бы сиротой — не ерепенилась бы!

В одну из ещё тёмных ночей перед праздником Пасхи негромко постучал к отцу Тихону, попросил исповедать и соборовать умирающую. Священник не мог отказать, а когда открыл дверь, Степан в упор выстрелил ему в грудь из обреза. Матушка Вера, проснувшись от грохота, увидев убитого супруга, потеряла сознание и упала на грудь мужа. Настенька тоже проснулась и выскочила на шум, простоволосая, в ночной рубашке. Она сначала подумала, что убили и мать, и отца. На её крик никто не пришёл на помощь. Но в открытую дверь вломился Степан с намазанной сажей рожей и насильничал беспомощную девушку. Настенька сразу же хотела утопиться, но когда перешагивала, как она думала, через труп матери, та успела удержать дочь за подол рубахи... Настенька, увидев окровавленную мать, не смогла бросить её без помощи...

Степан, явившийся утром вместе с рядовым милиционером, разогнал собравшуюся молчаливую толпу, составил протокол с разрешением на похороны отца Тихона. На прощанье сказал зарёванной Настеньке, что напрасно она не пошла за него замуж и что теперь она никому не нужна. Настенька на него даже не взглянула, но её мать заметила вымазанную и местами не отмытую от

сажи шею убийцы и насильника. Она ничем себя не выдала ни Степану, ни дочери. Упала на колени перед иконами и попросила:

— Господи! Покарай безбожника!

— Вот-вот! Сейчас Он тебе поможет! Жди! — Степан захохотал и хлопнул за собой дверью...

Две израненные души оказались одинокими в этом мире. Родственников в городе у них не осталось. Помощи ждать было не от кого. Через несколько дней после похорон отца Тихона Настеньку вместе с матерью выселили в кладбищенскую сторожку, все поповские припасы растащили. (Кто не работает, тот не ест!) В церкви новые власти сделали клуб для молодёжи, а в доме священника организовали ясли.

И мать с дочкой стали жить на подаяние, которое несли на кладбище бывшие прихожане. Сердобольные люди с оглядкой ставили приношенье на ступеньки у входа в сторожку и тайком удалялись. Иногда издалека низко кланялись матушке Вере. Сами женщины ни у кого помощи не просили и за ворота кладбища не выходили. Уйти бы им в монастырь, да и это прибежище порушили красные...

Несчастливая Настенька оказалась беременной. Мать уговорила её не делать греха, не губить невинную душу младенца, а с молитвой и смирением нести свой крест. Роды у дочери принимала сама и сама же крестила младенца, назвав по мужу Тихоном. Настенька с полным равнодушием отнеслась к своему материнству. Она жила как в тумане. Да и матушка жила по инерции. От её родной сестры Софьи вестей не было. Один день в кладбищенской сторожке был похож на другой, и для Настеньки с её матушкой время остановилось.

Однажды зимней ночью, когда маленькому Тихону только-только пошёл третий год, в единственное оконце сторожки тихонько постучали. Матушка подумала, что пришла их с Настенькой смерть, перекрестилась и равнодушно открыла закрытую на щеколду дверь. Когда увидела мужа своей племянницы Александра, зашлась в тихом безутешном плаче...

О гибели отца Тихона и о Настенькиной беде кто-то из эмигрантов рассказал Марии, та немедленно сообщила услышанное матери и супругу. И хотя это было очень опасно, Александр договорился со знакомыми железнодорожниками, работавшими на КВЖД, те помогли ему перейти границу.

Ночь матушка Вера и Александр провели в разговорах, но сама Настенька сидела молча и даже не заикнулась о Николае.

О Настенькиной беде родственники не говорили: зачем напоминать, если изменить ничего нельзя? Перед восходом Александр ушёл, а следующей ночью, когда на улице пошёл снег и помела метель, привёл осёдланных лошадей и увёз женщин и маленького Тихона за кордон и дальше — в Харбин, где после Октябрьской революции обосновалась многотысячная диаспора русских.

У Александра с Марией к тому времени было три дочери, которые мигом сделали из маленького Тихона живую игрушку. Малыш, фактически не видевший материнской ласки, не знавший вкуса сахара и других сладостей, топал ножками за своими троюродными сестрёнками и совершенно неожиданно из молчуна превратился в маленького говорунчика-хохотунчика. Матушка увидела вскользь мелькнувший интерес к сыну в глазах у Настеньки и с благодарностью перекрестилась на иконы.

О Николае в присутствии Настеньки никогда не говорили. Да и говорить, собственно, было нечего: вестей от него не ждали, так как адрес уехавших из России родственников он знать никак не мог.

Пасха вторая

А в родном их российском городе жизнь шла своим чередом. Степан старательно и зло попытался найти следы беглянок. У него были планы отобрать сына у Настеньки, так как с первой женой у него детей вообще не зарождалось, и Степан её выгнал через год, вторая от него скоренько сама сбежала со Степановым начальником, приехавшим с проверкой, третья — одного ребёнка не доносила, теперь снова ходила брюхатая. И Степан решил, что если и в этот раз наследник у него не родится, бабу непутёвую выгонит, а мальчишку от поповны — как-никак своя кровь! — отберёт, увезёт тайком к деревенским родственникам, а потом найдёт новую бабу и сына привезёт с ней вместе. Пусть тогда докажут, откуда пацан явился. Вот только ещё не успел решить, что сделать с самой Настенькой и её матушкой.

Так что Александр пришёл на помощь вовремя. Настенька о планах Степана ведать не ведала, как не знала о том, что именно он был причиной всех её бед. Да и сам Степан хранил в тайне свой «подвиг» в доме священника. Как-никак он стал партийным, начальником и примером для подчинённых.

Родной городок привыкал жить по правилам, установленным властью Советов. А власть нечаянно обнаружила, что колокола с колокольни сбросили все, кроме набатного, оставленного

на всякий пожарный случай, а с церкви-то забыли снять крест. Сразу тогда не получилось — канатов подходящих не нашли...

И вот на православную Пасху к церкви созвали народ. Юные безбожники пришли строем, с барабаном и маршевой песней про юных героев, старшие собрались кучками. Причём кучки образовались по возрастам: молодёжь пела озорные и революционные частушки, щёлкала семечки и визгливо смеялась, их родители говорили вполголоса или шёпотом, а старики и бабки молча тайком крестились и смахивали рукой или платочком скупые слёзы. Отряд юных безбожников продолжал стоять строем, по команде выкрикивал речёвки и барабанил.

Начальник милиции Степан произнёс речь. Два парня-добровольца залезли на крышу церкви, спустили верёвку, вытянули с её помощью канат на крышу, обвязали основание креста, спустились по канату на землю. И трактор под музыку войскового оркестра дёрнул канат. Но с первого раза ничего не произошло: канат не порвался, крест устоял, да и трактор не вовремя заглох и не мог сдвинуться с места.

Степан решил самолично разобраться, что там не получилось по его плану, нет ли там какого вредительства, и полез по канату на маковку церкви. Как только он появился рядом с крестом, тот вдруг стал крениться, сначала медленно и незаметно глазу, а потом вмиг переломился и сбил Степана на землю. И как уж произошло, но Степан слетел с крыши первый, а крест упал на его спину сверху. Безбожника парализовало ниже пояса, ноги его перестали слушаться, и он стал оправляться под себя. Ещё долгих два года начальник милиции лежал пластом в родной избе, пока сам не пустил себе пулю в висок из наградного пистолета.

Сначала Степан надеялся, что поднимется и ещё покажет себя. Чтобы облегчить боль, напивался до бесчувствия, и ему чудились окровавленный отец Тихон с громадным крестом от луковицы церкви в огромных руках, распятая на заляпанной сажеей и кровью постели Настенька и, вся в кровавой одежде, матушка Вера, стоящая на коленях перед иконами: «Господи! Покарай безбожника!»

Невольно слушая крики обезумевшего от тоски и боли пьяного Степана, весь городок догадался о том, кто убил отца Тихона и изнасиловал его дочь. Только судить парализованного представителя власти и не подумали. В милиции объявили, что это всё — просто бред больного человека и что тех, кто будет порочить власть, сошлют туда, куда Макар телят не гонял.

Да! А жена Степана там же, перед церковью, ребёночка скинула и через месяц оставила парализного при его родителях и куда-то уехала. И никто не осуждал её: Степан уже не был мужиком, и даже не был человеком в глазах многих горожан.

Пасха третья

Прошло два года. И перед самой Пасхой у Настеньки и всех её родственников случилась нечаянная радость — объявился Николай! Он не был здоров: левая рука покоилась на косынке, правая нога плохо слушалась хозяина, и он ходил с палочкой. Но главное — он был жив и нашёл-таки родных.

Сначала Николай, свободно приехавший из Европы в Китай, пытался тайком пройти через границу в Россию и самому найти там брата и Настеньку, но все попытки перехода были неудачными. Помогло Николаю знание английского, немецкого, французского и, главное, китайского языков: удалось найти так нужную ему работу переводчика. От приезжавших русских он узнал, что случилось с отцом Тихоном, его вдовой и дочерью. Такие истории не признают пограничных застав и других ограждений. Правда, лично Настеньку с матушкой знали очень немногие. Однако эта новость дошла и до них. И Настенька снова впала в депрессию. Матушка утешала её тем, что насильник лежит колодой, наказал его Боженька.

А Николая розыски привели в Харбин. Но как только ему удалось узнать адрес брата, с ним случилось несчастье: на него напали китайские бандиты, которые грабили богатых русских. И переводчика снова спасло знание китайского языка — он отделался ушибами да одним вывихом, который напавшие китайцы тут же сами вправили и даже деньги у него не забрали!

В доме Александра женщины занимались предпраздничной стряпнёй, детишки спали. Сам Александр чертил какие-то детали для станка. Случилось так, что Настенька, боявшаяся ночных визитов, на стук Николая оказалась рядом с входной дверью. Она испугалась, застонала и чуть не выронила миску с драгоценными перед Пасхой яйцами. Александр подбежал, по пути успел подхватить из её рук миску, поставил на стул и открыл дверь. Настенька увидела Николая, побледнела и упала бы, но выбежавшие на радостные восклицания братьев женщины её поддержали.

Николай опустил перед любимой на колени, поморщился от боли и сказал:

— Прости меня, душа моя, что я не сумел защитить тебя! Прости, что меня не было рядом! Прости, Христа ради! — и припал головой к её ногам.

Настенька, долгие годы со страхом ожидавшая увидеть осуждение в глазах любимого, забилась в истерике:

— Это я во всём виновата! Из-за меня погиб батюшка! Я так не хотела жить, чтобы ты не мучился из-за меня! Господи! Зачем Ты сохранил мне жизнь?! Николаша! Прости меня!

И сорвавшееся с языка Настеньки «Николаша» было свидетельством её глубокой любви.

...Долгое время Николай с Настенькой жили как брат с сестрой вместе с родными. Николай больше не заикался о своих чувствах. Настенька сторонилась, а то и шарахалась даже от случайных соприкосновений с одеждой любимого мужчины. Ужас перед звериным мужским насилием глубоко укоренился в её израненной душе.

Через два года Александру нашлась работа в Австралии, он уехал, потом приехал за семьёй. Маленького Тихона они увезли с собой, уговорив матушку, что мальчику там будет легче приобрести специальность. Настенька равнодушно промолчала, к нежеланному сыну у неё абсолютно никаких чувств не было.

Матушка болела и не хотела ехать далеко от могилы отца Тихона, хотя дорога в Россию была для неё навеки закрыта. Николай остался с женщинами за кормильца. Умирая, матушка твёрдо выразила свою последнюю волю, благословив его и Настеньку. Похоронили матушку Веру рядом с Софийским собором в Харбине.

Там же после Петровского поста венчались Настенька и Николай. Пойти наперекор последней воле покойной матери дочь не посмела. Со временем великое терпение и доброта Николаши заглушили в ней воспоминания о насильнике. Через три года, в конце сентября, у них родилась дочка. И они назвали её Верой, по имени матушки. Через полгода они уехали к родне в далёкую Австралию.

Тихон подрос и стал внешне очень похож на своего, как он считал, двоюродного дедушку, отца Тихона. Своей матерью он считал Марию, отцом — Александра, троюродных сестрёнок — родными, а Настеньку, которую помнил смутно, — своей тётушкой. И что самое удивительное — с малых лет хотел стать православным священником и никем другим!

Пути Господни неисповедимы! Прошли годы, и Тихон действительно стал священником, именно ему довелось восстанавливать храм, в котором служил его дед — отец Тихон... Всё вернулось на круги своя.